

Глава 1

1

У себя в передней Томми Бересфорд снял пальто. Бережно, не торопясь, повесил на вешалку. Рядом, на соседний крюк, аккуратно прицепил шляпу.

И расправив плечи, с решительной улыбкой на губах, прошел в гостиную, где сидела его жена и вязала армейский подшлемник из шерсти защитного цвета.

Была весна 1940 года.

Миссис Бересфорд только кинула на мужа короткий взгляд и сразу же снова со страшной быстротой заработала спицами. Помолчав минуту или две, она спросила:

— Что нового в газетах?

Томми доложил:

— Со дня на день ожидается начало блицкрига¹, гип-гип-ура! Во Франции дела идут паршиво.

Таппенс сказала:

¹ Блицкриг (нем.) — молниеносная война.

— Да, действительно невесело.

Снова молчание. Наконец Томми не выдержал:

— Что же ты не спрашиваешь? К чему эта дурацкая тактичность?

— Я знаю, тактичное молчание иногда страшно действует на нервы, — ответила Таппенс. — Но, с другой стороны, когда я спрашиваю, тебя это тоже раздражает. Да и незачем спрашивать. У тебя на лице все написано.

— Вот не думал, что похож на Печального Пьеро.

— Куда там, милый, — сказала Таппенс. — У тебя на губах застыла отчаянная улыбка висельника, и ничего более душераздирающего я не видела в жизни.

Томми усмехнулся.

— Неужели даже так?

— Больше чем так. Ну, довольно, выкладывай! Ничего не выходит?

— Ничего не выходит. Я им не нужен ни в каком качестве. Ей-богу, Таппенс, ну разве не обидно, когда с сорокашестилетним мужчиной разговаривают как со слабоумным дряхлым дедом? Армия, флот, министерство иностранных дел — все твердят одно: вы слишком стары, может быть, понадобится позднее.

Таппенс вздохнула:

— Со мной то же самое. Медсестры моего возраста? Нет, спасибо, не нужны. А на любую

другую работу? Тоже не требуется. Они лучше возьмут дурочку с кудряшками, которая в жизни не видела ни одной раны и не простерилизовала ни одного бинта, чем меня, проработавшую три года, с пятнадцатого по восемнадцатый, сначала палатной и хирургической медсестрой, потом за баранкой грузового фургона, а потом личным шофером, возила на легковом автомобиле генерала. И на том, и на другом, и на третьем месте, смею утверждать, не ударила в грязь лицом. А теперь я, оказывается, никому не нужная надоедливая дамочка в годах, которая не желает сидеть тихо у себя дома и заниматься вязанием, как ей положено.

Томми мрачно заключил:

— Не война, а сущий ад.

— Мало того, что идет война, так еще не дают принять в ней участие. Это уж совсем безобразно.

— Зато, по крайней мере, для Деборы нашлась работа, — попробовал утешить ее Томми.

— Она-то устроилась, — отозвалась мать Деборы. — И конечно, со своей работой справляется хорошо. Но я лично думаю, Томми, что смогла бы работать не хуже Деборы.

Томми ухмыльнулся.

— А она, наверно, так не считает.

— С дочерьми иногда бывает очень трудно, — покачала головой Таппенс. — Особенно когда они стараются проявлять сочувствие.

— А уж как Дерек снисходит к моим слабостям, это просто невыносимо, — проворчал Томми. — Так и читаешь в его взгляде: «Бедный старый папаша!»

— Честно признаться, — кивнула Таппенс, — наши детки, конечно, замечательные, но все-таки от них можно с ума сойти.

Однако при упоминании о близнецах Дерек и Деборе лицо матери сразу смягчилось.

— Должно быть, людям всегда трудно самим почувствовать, что они стареют и ни к чему не пригодны, — задумчиво проговорил Томми.

Таппенс сердито фыркнула, высоко вскинула темную, гладко причесанную голову и выпрямилась в кресле, так что зеленовато-серый шерстяной клубок покатился на пол.

— Это мы-то ни к чему не пригодны? — возмутилась она. — Ты и я? Или просто все кому не лень стараются нам это внушить? Может быть, от нас и вообще никогда не было проку?

— Может, и так, — вздохнул Томми.

— Не знаю. По крайней мере, в прежние времена мы чувствовали себя нужными. А теперь я, кажется, готова поверить, что на самом деле ничего этого не было. Было или не было, Томми? Было это, что немецкие агенты оглушили тебя ударом по голове и похитили? Было, что как-то раз мы с тобой выследили опасного преступника и схватили его? Что мы спасли одну девушку и завладели важными секретными

документами и за это родина, можно сказать, выразила нам благодарность?¹ Нам! Тебе и мне! Ныне презиравшим и никому не нужным мистеру и миссис Бересфорд.

— Ну, ну! Умерь свой пыл, дорогая. Ни к чему это.

— Все равно, — сказала Таппенс, сморгнув непрошеную слезу. — Я разочарована в нашем мистере Картере.

— Он прислал нам очень хорошее письмо.

— Но ничего не предложил. Даже не обнадежил.

— Он ведь теперь не у дел. Как мы с тобой. Он уже совсем старый. Живет себе на покое в Шотландии и удит рыбу.

Таппенс не унималась.

— Могли бы поручить нам что-нибудь для Интеллидженс сервис², — мечтательно проговорила она.

— А может быть, мы бы не справились. Может быть, теперь бы у нас пороху не хватило.

— Не знаю, — покачала головой Таппенс. — Я чувствую себя такой же, какой была раньше. Но, возможно, ты прав, возможно, когда дошло бы до дела... — Она вздохнула. — Надо бы нам

¹ Об упомянутых событиях рассказывается в романе А. Кристи «Таинственный противник».

² Интеллидженс сервис — служба разведки и контрразведки Великобритании.

все-таки найти хоть какую-нибудь работу. Так тяжело, когда сколько угодно свободного времени, сиди и думай целый день.

Взгляд ее скользнул по фотографии очень молодого человека в авиационной форме с широкой, как у Томми, ухмылкой на губах.

— Мужчине еще труднее, — сказал Томми. — Женщины хоть могут вязать, или паковать посылки, или работать в столовых.

— Это все я могла бы делать и через двадцать лет, — возразила Таппенс. — А сейчас я еще не настолько стара, и мне этого мало. Получается ни то ни се.

У входной двери позвонили. Таппенс встала, прошла через тесную квартирку и отперла. На коврике за порогом стоял широкоплечий мужчина с пышными светлыми усами на румянном лице.

Он окинул ее быстрым, зорким взглядом и вежливо осведомился:

— Вы — миссис Бересфорд?

— Да.

— Моя фамилия Грант. Я друг лорда Истгемптона. Он посоветовал мне познакомиться с вами и вашим мужем.

— Очень приятно. Заходите, пожалуйста.

Она провела его в гостиную.

— Знакомьтесь. Мой муж — капитан... э-э-э...

— Мистер.

— ...мистер Грант. Он — друг мистера Кар... лорда Истгемптона.

Рабочая кличка прежнего шефа Секретной службы, мистер Картер, была ей привычнее, чем настоящий титул их старого друга.

Несколько минут они оживленно разговаривали втроем. Грант держался очень мило и вообще оказался симпатичным человеком. Потом Таппенс вышла и вскоре вернулась с хересом и стаканами. Когда возникла пауза в разговоре, мистер Грант сказал:

— Я слышал, вы ищете работу, Бересфорд?

В глазах Томми зажегся алчный огонек.

— Совершенно верно. А вы... Неужели вы могли бы?..

Грант рассмеялся и покачал головой.

— Да нет, что вы. Боюсь, прежние дела придется уступить молодым и деятельным. Или тем, кто занимался ими все эти годы. Единственное, что я мог бы вам предложить, — к сожалению — это скучную сидячую работу. Канцелярскую. Складывать листы в стопки, перевязывать красным шнурком и рассовывать по ящикам. В таком духе.

У Томми вытянулось лицо.

— Понимаю.

— А все же лучше, чем ничего, а? — попытался приободрить его Грант. — Словом, загляните как-нибудь в мою контору. Министерство потребностей, комната двадцать два. Подберем вам что-нибудь.

Зазвонил телефон. Таппенс взяла трубку:

— Алло? Да. Что-о? — На том конце провода взволнованно зачастил пронзительный женский голос. Лицо Таппенс выразило тревогу. — О боже!.. Ну, конечно, дорогая... Буду у тебя сию же минуту. — Она положила трубку и сказала мужу: — Это звонила Морин.

— Я так и подумал. Узнал ее голос даже отсюда.

Таппенс взволнованно объяснила гостю:

— Мне очень жаль, мистер Грант, но я должна бежать к соседке. Она упала и подвернула ногу, а в доме никого нет, только она и ее маленькая дочурка, так что мне придется сбежать, все там уладить и пригласить какую-нибудь женщину ей в помощь. Вы уж меня извините.

— Конечно, конечно, миссис Бересфорд. Я понимаю.

Таппенс улыбнулась ему, подхватила валявшийся на диване жакет, сунула руки в рукава и бросилась вон. Хлопнула входная дверь.

Томми налил Гранту стаканчик хереса.

— Посидите еще, — пригласил он.

— Благодарю. — Грант взял стакан, молча пригубил, задумался, потом сказал: — А знаете, в некотором смысле вашу жену вызвали очень кстати. Это сэкономит нам время.

Томми удивленно вздернул брови:

— Не понял, о чем вы.

Грант многозначительно произнес в ответ:

— Видите ли, Бересфорд, я был уполномочен, если бы вы зашли ко мне в министерство, сделать вам некое предложение.

Веснушчатое лицо Томми медленно залила краска.

— Вы хотите сказать?..

Грант кивнул.

— Истгемптон предложил вашу кандидатуру. По его словам, вы как раз тот человек, который нам нужен.

— Я вас слушаю, — сказал Томми, волнуясь.

— Это, разумеется, все строго конфиденциально.

Томми кивнул.

— Даже ваша жена не должна ничего знать. Вы понимаете?

— Хорошо — если вы так считаете. Но до сих пор мы работали вместе.

— Да, знаю. Но данное предложение касается вас одного.

— Понял. Будет выполнено.

— Вам якобы будет предложена работа, канцелярская, как я уже говорил, в шотландском отделе министерства, в запретной зоне, куда ваша жена не может последовать за вами. Но на самом деле вы отправитесь совсем в другое место.

Томми молча ждал продолжения.

— Вы читали в газетах про пятую колонну?¹ Представляете хотя бы в общих чертах, что это такое?

Томми тихо ответил:

— Враги среди нас.

— Именно. Когда начиналась эта война, Бересфорд, в обществе преобладало оптимистическое настроение. О, не у всех, разумеется, я не имею в виду тех, кто был по-настоящему в курсе дела. Мы-то ясно представляли себе, какие силы нам противостоят, — организованность противника, его превосходство в воздухе, его собранная в кулак воля, скоординированная работа его отлаженной военной машины. Но люди в массе об этом не догадывались, наши простые, наивные, добросердечные граждане. Они верили в то, во что им хотелось верить, — что Германия вот-вот развалится, что там произойдет революция, что немецкое оружие сделано из жести, а солдаты от плохого питания все повалятся штабелями, как только выступят в поход. Ну и тому подобную чепуху. Принимали, как говорится, желаемое за действительное.

¹ Пятая колонна — выражение, возникшее во время гражданской войны в Испании 1936—1939 годов; так говорили про тайных сторонников генерала Франко в осажденном Мадриде; франкисты наступали на город с четырех сторон («четырьмя колоннами»). Более широко — группа людей, тайно помогающая внешнему врагу.

Но война приняла другой оборот. Она плохо началась и продолжается чем дальше, тем хуже. Солдаты делают свое дело нормально — на флоте, в авиации, в окопах. Но командование оказалось не на высоте, и подготовка к военным действиям была недостаточной. Возможно, эти недостатки — продолжение наших достоинств. Нам не нужна война, мы не относились к перспективе войны всерьез и не сумели к ней по-настоящему подготовиться.

Однако худшее позади. Мы осознали свои ошибки и постепенно, понемногу, ставим нужных людей на нужные места. Мы учимся вести войну так, как надо, и мы ее выиграем, можете не сомневаться, — если только прежде не успеем ее проиграть. И опасность поражения грозит нам не извне, не от того, что у немцев такие мощные бомбардировщики и что немцы оккупируют нейтральные страны и получают удобные плацдармы для новых ударов. Нет, опасность грозит изнутри. Нам, как древней Трое, угрожает деревянный конь¹ — в наших собст-

¹ Согласно древнегреческому мифу, во время Троянской войны греки, чтобы овладеть неприступным городом, пошли на хитрость: построили большого деревянного коня, внутри которого спрятались 300 греческих воинов, и оставили его у ворот Трои. Троянцы втащили коня в город, а ночью вышедшие наружу враги напали на спящий город и после кровопролитной битвы овладели им.

венных стенах. Можете называть эту силу пятой колонной, если угодно. Она здесь, среди нас. Это люди, мужчины и женщины, иногда высокопоставленные, иногда затаившиеся, неприметные, но в любом случае всей душой разделяющие нацистские идеи и цели, желающие внедрить здесь у нас твердый порядок нацизма взамен бестолкового, по их мнению, легкомысленного либерализма наших демократических институтов.

Грант наклонился к самому лицу Томми, но тон, которым он заключил свою речь, оставался все таким же любезным и ровным:

— И кто они, мы не знаем...

— Но вы ведь наверняка следите... — попробовал возразить Томми.

— Разумеется, мы можем в одночасье захватить мелкую рыбешку, — отмахнулся Грант. — Нет ничего проще. Но есть другие. Нам это точно известно. Как минимум двое среди видных сотрудников Адмиралтейства¹, один — в штабе генерала Г., трое, если не больше, в авиации и по меньшей мере двое работают в разведке, где имеют доступ к секретным материалам кабинета министров. Мы судим на основании того, что происходит. Утечки, утечки информа-

¹ Адмиралтейство — военно-морское министерство Великобритании.

ции с самого верха, неоспоримо свидетельствуют о том, что мы не ошибаемся.

Томми недоуменно и обескураженно про-
бормотал:

— Но какой вам будет прок от меня? Я не знаю никого из этих людей.

Грант кивнул:

— Вот именно. Вы не знаете их, и они не знают вас.

Он помолчал, давая Томми время прочувствовать смысл последней фразы. А затем продолжил:

— Эти люди, эти важные начальники, знакомы почти с каждым из нас. Утаить от них что-либо будет практически невозможно. У меня просто голова пухнет. И я обратился к Истгемптону. Он уже полностью отошел от дел, больной человек, но голова работает по-прежнему, умнее я в своей жизни никого не встречал. Он вспомнил про вас. Вы уже двадцать лет как не работаете в нашем ведомстве. Фамилия ваша в списках не значится. В лицо вас никто не знает. Что вы на это скажете? Возьметесь?

Широкая, восторженная улыбка осветила лицо Томми.

— Возьмусь ли я? И вы еще спрашиваете? Хотя не вижу, чем я могу быть полезен. Я же, черт подери, только любитель.

— Дорогой Бересфорд, именно любитель здесь и нужен. У профессионала будут руки

связаны. Вы будете двигаться оттуда, где остановился человек, лучше которого у нас никогда не было и, по-видимому, никогда не будет.

Томми бросил на Гранта вопросительный взгляд.

— Да, — кивнул Грант. — Он умер. В прошлый вторник в больнице Святой Бригитты. Его сбил грузовик. Умер через несколько часов в отделении несчастных случаев. Но только это не был несчастный случай.

— Понятно, — тихо сказал Томми.

— И поэтому мы считаем, что Фаркер вышел на след, что-то наконец нашупал. Он доказал это своей смертью.

Томми ждал продолжения.

Грант пояснил:

— Что именно он разузнал, об этом нам, к сожалению, почти совсем ничего не известно. Он методично расследовал одну версию за другой. Но они никуда не вели. Фаркер не приходил в сознание почти до самого конца. Но за несколько минут до смерти он пытался что-то сказать. То, что он произнес, звучало так: «Икс или Игрек. Сонг Сюзи».

— Не очень-то информативно, по-моему, — заметил Томми.

Грант усмехнулся.

— Не скажите. Кое-какая информация тут все-таки содержится. «Икс или Игрек» — эта

формула нам уже знакома. Таким обозначением закодированы два самых главных и доверенных немецких агента. Мы наталкивались на их деятельность в других странах. Их задача — создавать пятые колонны за рубежом и осуществлять связь этих пронацистских организаций с Германией. «Икс», как нам известно, — мужчина. «Игрек» — женщина. Мы знаем, что эти двое пользуются самым высоким доверием Гитлера и что в зашифрованной инструкции, которую удалось расшифровать перед самым началом войны, содержалась такая фраза: «Для Англии предлагается Икс или Игрек. Полномочия не ограничены».

— Теперь ясно. И Фаркер...

— Как я себе это представляю, Фаркер вышел на след одного из них. А вот на чей именно, мы, к сожалению, не знаем. «Сонг Сюзи» звучит очень загадочно, но французский выговор у Фаркера был не особенно аристократический. В кармане его пальто обнаружен обратный билет в Лигемптон, и это уже кое-что. Лигемптон находится на южном побережье, скоро это будет второй Борнмут¹ или Торки². Там

¹ Борнмут — крупный курорт на южном побережье Англии.

² Торки — приморский курорт с минеральными водами в графстве Девоншир на юго-западе Англии.

много гостиниц и пансионатов. И среди них есть один под названием «Сан-Суси»¹.

Томми задумчиво повторил:

— Сонг Сюзи — «Сан-Суси»... Я вас понял.

— Вы уверены?

— Замысел такой: я должен отправиться туда и... и порыться на месте.

— Да, именно так.

Лицо Томми снова расплылось в улыбке.

— Довольно туманно сформулировано, а? — сказал он. — Я даже не знаю, что конкретно мне надо искать.

— Этого я вам сказать не могу. Потому что и сам не знаю. На ваше разумение.

Томми вздохнул. И расправил плечи.

— Что ж, можно попробовать. Только я не очень силен по части разумения.

— Когда-то вы очень даже неплохо делали свою работу, как я слышал.

— Просто везло, — поспешил уточнить Томми.

— Везение — это как раз то, в чем мы сейчас нуждаемся.

Томми задумался, затем спросил:

— Это заведение, «Сан-Суси», что о нем известно?

¹ «Сан-Суси» (*фр.*) — «беззаботный, беспечный», широко распространенное название пансионатов, вилл и т.п.

Грант пожал плечами:

— Ничего интересного. Очень возможно, что тут мы попали пальцем в небо. Фаркер мог иметь в виду песенку про «сестрицу Сюзи, что шьет сорочки для солдат». Все это одни лишь предположения.

— А про сам Лигемптон?

— Город как город. Таких там по всему побережью десятки. Старушки, отставные полковники, старые девы безупречной репутации, кое-какие сомнительные и темные личности, два-три иностранца для общего счета. Словом, всякой твари по паре.

— И Икс или Игрек в их числе?

— Не обязательно. Возможно, это не они, а кто-то, кто поддерживает с ними контакт. Но вполне может быть, что и лично Икс или Игрек. Место скромное, не на виду, обыкновенный приморский пансион.

— И вы совершенно не имеете представления, мужчину или женщину я должен там искать?

Грант отрицательно покачал головой.

— Ну что ж, — сказал Томми. — Попробовать можно.

— Желаю вам удачи, Бересфорд. А теперь обратимся к деталям...

Когда спустя полчаса Таппенс, отдуваясь и умирая от любопытства, примчалась домой, Томми был уже в квартире один. Он сидел в кресле и тихо насвистывал. Выражение лица у него было неопределенное.

— Ну? — потребовала отчета Таппенс, вкладывая в этот единственный слог бездну эмоций.

— Да вот, — с сомнением в голосе ответил Томми. — Вроде как работу предлагают.

— Что за работа?

Томми соорудил соответствующую гримасу.

— Возиться с бумагами среди пустынных холмов Шотландии. Секретная и всякое такое, но похоже, что скукотища.

— Берут нас обоих или только тебя?

— К сожалению, только меня.

— Черт бы вас всех драл! Ну как мог наш мистер Картер пойти на такую низость?

— Насколько я понял, у них там разделение полов. Чтобы добиться полной сосредоточенности.

— Шифровать или расшифровывать? Вроде Дебориной конторы? Смотри, Томми, будь осторожней, от такой работы люди трогаются умом, теряют сон и бродят всю ночь напролет, стеная и охая, и твердят девятизначные числа, что-нибудь вроде: девятьсот семьдесят восемь миллионов триста сорок пять тысяч двести во-

семьдесят шесть — в таком духе. А кончают нервным срывом и попадают в психлечебницу.

— Я не попаду.

Таппенс мрачно покачала головой:

— Не скажи. Рано или поздно и ты можешь сорваться. А можно мне поехать с тобой — не работать, а просто в качестве жены? Приносить туфли к креслу перед камином, подавать горячий ужин после рабочего дня?

Томми сокрушенно ответил:

— К сожалению, нет, старушка. Мне, честное слово, очень жаль, что приходится оставлять тебя здесь одну, но...

— ...но долг велит, — договорила за него Таппенс, припомнив былые времена.

— В конце концов, ты же можешь вязать, верно?

— Вязать? — с негодованием произнесла Таппенс. Она схватила недовязанный подшлемник и швырнула на пол. — Я терпеть не могу пехотный защитный цвет. И синий флотский тоже. И голубой авиационный. Вязать так только малиновое, причем оттенок маджента!¹

¹ Маджента — имеется в виду ярко-малиновый оттенок. Краситель, дающий его, изобретен в 1859 году, вскоре после битвы под Маджентой (в честь которой и назван) между Австрией и союзным войском Франции и Сардинии, причем победили союзники. Таппенс явно имеет в виду современную Францию.

— Вот это по-боевому! — одобрил Томми. — Наводит на мысли о блицкриге.

На самом деле Томми огорчился. Впрочем, Таппенс, как настоящая спартанка¹, держалась молодцом, сказала, что, конечно, ему ни в коем случае нельзя отказываться и вообще ничего страшного, она слышала, что требуется человек мыть полы в пункте первой медицинской помощи, может быть, там и она подойдет.

Через три дня Томми уезжал в Абердин². Таппенс отправилась с ним на вокзал — провожать. Глаза ее красноречиво блестели, и раза два ей пришлось незаметно сморгнуть, но держалась она с неколебимой жизнерадостностью. Только когда поезд уже отъехал от перрона и Томми увидел одиноко спускающуюся с платформы грустную худенькую фигурку жены, к горлу у него подкатил комок. Война войной, но по отношению к Таппенс он ощущал себя предателем...

Томми с трудом, но все же взял себя в руки. Приказ есть приказ.

На следующий день он из Шотландии вы-

¹ С п а р т а н ц ы — жители древнегреческого государства Спарта, граждане которого, по преданию, отличались суровым образом жизни, выносливостью и терпеливостью.

² А б е р д и н — город и порт на северо-востоке Шотландии на побережье Северного моря.

ехал на поезде в Манчестер¹. А еще через день, уже на третьем поезде, прибыл в Лигемптон. Остановился он в центральном городском отеле и с утра отправился обходить разные гостиницы и пансионы, осматривая номера и выясняя условия долговременного пребывания.

«Сан-Суси» оказался викторианской² виллой из темно-красного кирпича, расположенной на подъеме к высокому берегу, с прекрасным видом на море из окон верхнего этажа. В коридоре слегка пахло пылью и стряпней, и ковровая дорожка была заметно вытерта, но в целом этот пансион выигрывал при сравнении с некоторыми другими, которые Томми уже успел обойти. Он потолковал с хозяйкой по имени миссис Перенья у нее в рабочем кабинете — тесной неприбранной комнатке, где стоял большой письменный стол, заваленный ворохом бумаг.

Миссис Перенья и сама имела вид слегка неприбранный. Это была женщина средних лет с копной густых курчавых черных волос, на ее кое-как подкрашенных губах застыла решительная улыбка, приоткрывавшая два ряда крупных и очень белых зубов.

¹ Манчестер — крупный промышленный центр в графстве Ланкашир.

² Викторианский — в стиле эпохи царствования английской королевы Виктории (1837 — 1901).

В разговоре Томми упомянул свою пожилую кухню мисс Медоуз, которая останавливалась в «Сан-Суси» в позапрошлом году. Миссис Перенья ее без труда вспомнила — а как же, мисс Медоуз, очень симпатичная старая леди, вернее даже и не старая, у нее столько энергии и такое замечательное чувство юмора.

Томми с ней осторожно согласился. Вообще-то какая-то мисс Медоуз существовала на самом деле, в таких вещах департамент промашек не допускал.

— А как сейчас поживает милая мисс Медоуз?

Томми с прискорбием сообщил, что мисс Медоуз уже нет на свете, а миссис Перенья сочувственно поцокала языком, произнесла полагающиеся слова и придала своему лицу траурное выражение.

Вскоре, однако, к ней снова вернулась первоначальная говорливость. У нее есть именно такая комната, которая, она уверена, как раз подойдет мистеру Медоузу. Чудесный вид на море. Мистер Медоуз очень разумно, на ее взгляд, принял решение выбраться из Лондона. Там сейчас, рассказывают, ужасно тяжелая жизнь, и, конечно, после перенесенной инфлюэнцы...

Не переставая рассуждать, миссис Перенья повела Томми на второй этаж и стала показывать ему комнату за комнатой. Попутно назвала недельную сумму. Томми сокрушенно развел руками. Миссис Перенья стала объяснять, что

цены так выросли! Томми со вздохом сказал, что его доходы, к несчастью, сократились, да еще налоги, да то, да се...

Миссис Перенья тоже вздохнула и сказала:

— Все это проклятая война...

Томми с ней полностью согласился. По его мнению, этому типу Гитлеру место на виселице. Он просто психопат, одно слово, совершенный психопат.

Миссис Перенья и тут была с ним согласна. Она сказала, что теперь, когда ввели продуктовые карточки, да еще мясники не могут получать достаточно мяса, какого нужно, а печенка и телятина вообще почти пропали из продажи, — из-за всех этих неудобств вести хозяйство стало страшно трудно, но, поскольку мистер Медоуз — родня милой мисс Медоуз, она готова сбавить цену на полгинеи.

После этого Томми попрощался, пообещав, что подумает. Миссис Перенья сопровождала его до самых ворот и всю дорогу говорила, не закрывая рта, и всячески кокетничала, нагнав на Томми страху. Вообще-то она была на свой лад недурна собой. Интересно, какой она национальности? Не англичанка, это ясно. Фамилия испанская или португальская, но это, должно быть, по мужу. Возможно, что она ирландка, правда, по выговору не скажешь, но тогда хоть понятно, откуда эта горячность и говорливость.

В конце концов условились, что мистер Медоуз завтра же въезжает.

Свой приезд Томми подгадал к шести часам. Миссис Перенья вышла встречать его в переднюю, быстро отдала ряд распоряжений насчет его багажа прислуге, которая, по-идиотски разинув рот, глазела на нового постояльца, а его повела в общую комнату, именуемую салоном.

— У меня правило — всегда представлять друг другу моих гостей, — улыбаясь во весь рот, твердо объявила миссис Перенья собравшимся там пяти постояльцам. — Это наш новый жилец мистер Медоуз. А это — миссис О’Рурк.

Женщина-гора с черными усами и блестящими глазками одарила его любезной улыбкой.

— Майор Блетчли.

Майор оценивающе оглядел Томми и слегка наклонил голову.

— Мистер фон Дейним.

Молодой голубоглазый блондин встал и чопорно поклонился.

— Мисс Минтон.

Старушка с крупными бусами на шее и с вязаньем в руках улыбнулась и хихикнула.

— И миссис Бленкенсоп.

И эта вяжет. Она подняла темноволосую, дурно причесанную голову от полуготового серо-зеленого подшлемника.

У Томми перехватило дух. Комната поплыла перед глазами.

Какая там миссис Бленкенсоп? Да это же Таппенс! Невероятно, быть не может, но это

точно она, Таппенс, сидит в салоне «Сан-Суси» и как ни в чем не бывало вяжет свой подшлемник!

Она посмотрела ему в глаза вежливым, равнодушным взглядом незнакомого человека.

Томми восхитился.

Ну, Таппенс!

Глава 2

Томми сам не знал, как перетерпел тот вечер. На миссис Бленкенсоп он изо всех сил старался не смотреть. К ужину появились еще трое обитателей «Сан-Суси»: пожилая супружеская чета, мистер и миссис Кейли, и молодая мать, миссис Спрот, приехавшая со своей маленькой дочуркой из Лондона и явно тяготившаяся лигемптонской ссылкой. Ее место за столом оказалось рядом с Томми, и время от времени, взглядывая на него круглыми бесцветными глазами и слегка гнусая, она спрашивала его мнения:

— Как по-вашему, ведь теперь уже не опасно, правда? Кажется, все уже едут обратно?

Прежде чем Томми смог ответить на ее бесхитростные вопросы, вмешалась старушка с бурами:

— А я считаю, когда у тебя ребенок, нельзя подвергать его опасности. Ваша миленькая Бетти. Да вы же никогда себе не простите, и ведь